

Федирко Оксана Петровна

доктор исторических наук,
профессор Департамента истории и археологии
Школы гуманитарных наук
Дальневосточного федерального университета,
ведущий научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока Дальневосточного
отделения Российской академии наук

Бэ Соён

аспирант Дальневосточного федерального
университета

КОРЕЙЦЫ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В 1920–1930 ГГ.: КОЛОНИЗАЦИЯ И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

Аннотация:

В статье рассматривается процесс натурализации корейских переселенцев, прибывших на Дальний Восток России в период революций и Гражданской войны. Особое внимание уделено вопросу наделения корейских эмигрантов земельными участками. На основе материалов Дальневосточных архивов, впервые вводимых в оборот, прослеживается история коллективизации корейского крестьянства. Анализируются количественный состав корейцев, участвовавших в колонизации и коллективизации, и качественные характеристики этих процессов.

Ключевые слова:

Дальний Восток СССР, корейцы, колонизация, натурализация, коллективизация.

Fedirko Oksana Petrovna

D.Phil. in History, Professor,
National History and Archival Science Department,
Liberal Arts School,
Far Eastern Federal University,
Leading Researcher,
Institute of History, Archeology and Ethnography of
the Peoples of the Far East,
Far East Division of
the Russian Academy of Sciences

Bae Soyung

PhD student, Far Eastern Federal University

THE KOREANS OF THE SOUTHERN PART OF THE RUSSIAN FAR EAST IN 1920–1930: COLONIZATION AND COLLECTIVIZATION

Summary:

The article deals with the Korean emigrants' naturalization process. They came to the Russian Far East during the revolution and Civil War. Special attention is paid to the issue of providing Korean emigrants with land. Based on the Far Eastern archived data introduced for the first time, the authors research the history of the Korean peasantry collectivization. The paper analyzes the number of Korean emigrants involved in colonization and collectivization, as well as the qualitative characteristics of these processes.

Keywords:

Far East of the USSR, Koreans, colonization, naturalization, collectivization.

После разгрома интервентов и окончания Гражданской войны ВЦИК объявил Дальневосточный край (ДВК) России неотделимой частью РСФСР, образовав на его территории в 1923 г. Дальневосточную область. От дальневосточных властей требовалось в короткий срок не только восстановить разрушенное хозяйство, но и приступить к намеченным советской властью социалистическим преобразованиям в экономике.

Специфической особенностью Дальнего Востока России был многонациональный состав населения, который стал еще более пестрым в годы Гражданской войны в связи со стихийными миграциями из сопредельных стран в Россию и наоборот. Среди мигрантов большую группу составляли корейцы.

Процесс формирования дальневосточной корейской диаспоры проходил в период со второй половины XIX в. до первой четверти XX в. До 90 % корейцев проживали на юге Приморья. Корейские мигранты достигли больших успехов в хозяйствовании и за короткий срок превратились в зажиточных крестьян. Несмотря на принятие российского гражданства, члены корейской диаспоры не теряли связи с соотечественниками, проживавшими на родине, и всячески помогали им. Дальний Восток России был чрезвычайно привлекателен для мигрантов, а после аннексии Кореи Японией в 1910 г. поток корейских переселенцев значительно усилился. Это было не только добровольное переселение, но и депортация противников оккупационного режима японским правительством, которое поощряло льготами переход корейцев в Южно-Уссурийский край.

Новая волна иммигрантов из Кореи хлынула в регион после подавления антияпонского восстания в марте 1919 г. и последовавших за ним жестоких гонений со стороны оккупационных властей. А после установления в конце 1922 г. советской власти на Дальнем Востоке иммиграция из Кореи приобрела постоянный характер. Корейцы прибывали и расселялись в южном Приморье фактически до конца 1925 г.

Прибывшие на юг Дальнего Востока корейские переселенцы стремились получить землю на любых, даже самых невыгодных условиях, чтобы начать новую жизнь и обеспечить свою семью. Но для этого им было необходимо натурализоваться в СССР и преодолеть ряд противоречий, сложившихся между корейской диаспорой и местным населением.

Натурализация «иностранноподданных» корейцев в Дальневосточной области до мая 1923 г. требовала наличия «показника». В нем содержались сведения о фамилии и подданстве, месторождении, времени и цели прибытия, семейном положении и особых приметах. На основе этого документа выдавался паспорт на срок не более одного года. С составлением этого документа сложностей не было, за каждого прибывшего поручалась принимающая община.

Ситуация усложнилась, когда 8 мая 1923 г. постановлением Дальревкома была введена в действие инструкция НКВД от 14 февраля 1921 г. «О выдаче видов на жительство иностранным гражданам». Согласно ей, все проживавшие на территории РСФСР корейские граждане иностранного подданства были обязаны приобрести «вид на жительство», который выдавался губернскими управлениями милиции на основе национальных паспортов, которых у подавляющего большинства стихийно переселявшихся на российский Дальний Восток не было. На основании директив НКВД и НКВД в июле 1924 г. Дальревком установил упрощенный порядок приема в советское гражданство корейских трудящихся, переселившихся до 1918 г. Но и при таком положении дел органы власти не справлялись с потоком корейцев, желавших получить советское гражданство. Всего за 1923–1925 гг. в Приморской губернии советское гражданство смогли получить лишь 12 783 корейца из 18 474 подавших заявления [1, с. 102].

Для организации расселения иммигрантов в 1926 г. при Дальневосточном революционном комитете была сформирована корейская комиссия. Многочисленные архивные документы свидетельствуют о том, что «корейский вопрос» в 1920-е гг. был одним из часто обсуждаемых партийными и советскими органами Дальнего Востока. В письме председателя Дальревкома Я. Гамарника, направленном Всероссийскому центральному исполнительному комитету в августе 1925 г., отмечалось, что «...корейский вопрос ...по своей политической сущности и экономическому значению выходит за пределы ДВО, являясь серьезным вопросом государственного порядка, требующим к себе исключительного внимания...» и предупреждал, что «...земельные настроения в дальнейшем могут вылиться в резкий антагонизм между русским и пришлым корейским населением» [2, л. 20–21].

Как уже было отмечено выше, стремление корейцев получить гражданство объяснялось возможностью получения ими земельного надела. Планировалось, что введение в действие Земельного кодекса РСФСР 1923 г. смягчит «земельный вопрос», связанный с иммигрантами [3, с. 58]. Но был получен противоречивый результат. Введение кодекса породило конфликты между зажиточным русским и корейским населением.

Наделение корейского населения земельными участками происходило путем перераспределения имевшихся кулацких земельных угодий и переселения на целинные земли в другие районы Дальнего Востока. В 1924 г. получили земельные участки почти 3 тыс. корейских хозяйств. К концу 1928 г. их число достигло 10 658. При этом среди корейского населения еще насчитывалось около 132 тыс. безземельных хозяйств [4, л. 58]. В процессе переселения корейцев вглубь Дальнего Востока решалась проблема освоения целинных земель и снижения плотности корейского населения в приграничных районах. Например, в 1928 г. в Посьетском районе оно составляло 89,2 % от числа всех жителей. На пленуме Дальбюро ВКП(б) в 1925 г. было принято решение «...начать расселение крестьян-корейцев из Посьетского района и южной части Никольск-Уссурийского уезда вглубь Приморской губернии, а главным образом в Амурскую губернию» [5, л. 171].

Для того чтобы унять недовольство переселением и стимулировать приживаемость корейцев в новых районах, в 1927 г. были установлены следующие льготы. Всем корейцам, прибывшим на Дальний Восток до 16 ноября 1922 г. и получившим советское гражданство, предоставлялась земля в местах их проживания в тех объемах, которые им необходимы. Тем, кто прибыли позже, земля предоставлялась на правах бесплатной аренды. Всем переселенцам-корейцам выдавали 100 р. на семью на безвозмездной основе и 270 р. в качестве долгосрочной ссуды. Переселенцы на 5 лет освобождались от уплаты единого сельхозналога, а юношам предоставлялась отсрочка от армии [6, с. 68–69].

Только малая часть натурализованных корейцев-переселенцев получила возможность наделения землей. На одно хозяйство в среднем приходилось 3,5 дес. земли. Большая часть корейцев, которые не имели гражданства, арендовали землю у казаков, крестьян и у государства. Средняя величина арендуемого земельного надела составляла 1,2 дес. на одно хозяйство. Аренда носила кабальный характер. Величина арендной платы за использование земельных угодий колебалась в зависимости от районов Дальнего Востока. Например, в 1925 г. корейские семьи Владимиро-Александровской волости Владивостокского уезда платили за аренду одной десятины земли более 47 р., а в селе Киевичи установили арендную плату в размере 70 р. за десятину [7, л. 21].

Размеры земельных угодий не могли обеспечить нормальный уровень жизни корейским семьям. Нехватка земли заставляла корейцев требовать от властей предоставить новые участки или выделить дополнительные. Это противоречило интересам местных крестьян, опасавшихся лишиться земельных излишков. Требования корейцев уравнивать их в правах пользования землей с русским населением, изменить условия аренды, снизить тяжесть различных административных налогов, распространявшихся на приезжих, которые считались иностранными подданными (приобретение за 12 р. билетов на жительство на каждого совершеннолетнего, введение особой платы за возведение построек, а к концу 1920-х гг. за пользование лугами, за воду для рисовых систем и др.), усиливали напряженность во взаимоотношениях русского населения с корейцами [8, с. 30].

Одним из способов решения этих проблем стало участие корейских переселенцев в начавшейся на Дальнем Востоке коллективизации.

В соответствии с декретом СНК РСФСР от 11 апреля 1925 г. обязательным условием предоставления иммигрантам земли являлась организация их в коллективные сельскохозяйственные группы-коммуны – артели или кооперативные переселенческие товарищества по существовавшим в РСФСР уставам [9]. Имевшие гражданство СССР коллективизировались на общих основаниях путем создания как исключительно национальных, так и смешанных русско-корейских колхозов. Не имевших гражданства СССР объединяли в поселковые товарищества и сельхозартели с таким расчетом, чтобы в случае необходимости переселять их целыми селениями и артелями [10, л. 110].

Для того чтобы получить землю, корейские колонисты стали объединяться в колхозы. Власти, заинтересованные в выполнении плановых показателей по созданию коллективных хозяйств, всячески поддерживали первые образования. В 1923 г. среди корейского населения уже насчитывалось 9 кооперативных объединений, а через год только в Приморской губернии их было 23. В 1924 г. в селе Удгоу была организована сельхозартель «Коммунистическая жизнь». Местные власти провели ее землеустройство. На 314 едоков (60 бедняцких семей) было выделено 175 га пашни, 16 лошадей и один трактор. Такие примеры вдохновляли переселенцев. Постепенно процент коллективизированных корейских хозяйств на Дальнем Востоке России начал расти (табл. 1). Например, в 1928 г. было коллективизировано 6 % корейских крестьян, в 1929 г. – 7 %, а через год, в 1930 г. – 24 %. В составе национальных колхозов 4 % являлись батраками, 67,8 – бедняками, 26,7 – середняками, 1,5 % – рабочими и служащими [11, с. 17].

Таблица 1 – Темпы коллективизации среди корейского населения Дальнего Востока [12]

Трудовые объединения	По Владивостокскому округу (на 1 января)				По ДВК (на 1 апреля)
	1925	1926	1927	1928	1929
сельхозкоммуны	1	2	3	2	4
сельхозартели	8	11	16	15	81
товарищества по совместной обработке земли	–	–	10	–	2
мелиоративные товарищества	4	11	17	15	21
шелководческие товарищества	5	8	8	9	9
Итого	18	32	44	41	117
% к 1925 г.	100	177,8	244,4	227,8	

В 1931 г. 149 корейских колхозов объединяли 7442 хозяйства [13, л. 21]. К весне 1933 г. высоко коллективизированными были названы Посъетский, Никольск-Уссурийский и Хасанский районы Приморской области [14, л. 344]. В 1934 г. по Дальнему Востоку в общем насчитывалось 203 корейских колхоза. В 1935 г. были коллективизированы более 80 % корейских единоличных хозяйств [15, л. 344 об.].

Корейцы успешно занимались огородничеством, выращивали рис, сою и некоторые нетрадиционные для Дальнего Востока сельскохозяйственные культуры. Трудолюбие, смекалка, хорошее знание природно-климатических условий позволяли им на трудноосваиваемых землях получать приличные урожаи.

Для роста привлекательности кооперативов местные органы власти оказывали им материальную и финансовую поддержку, например в первую очередь снабжали инвентарем и сельскохозяйственными машинами. До тех пор основными орудиями полевого труда среди корейцев оставались серпы, мотыги, кирки и т. д., почти не использовались механические двигатели, не хватало плугов и молотилок. Из 15 259 корейских хозяйств, занимавшихся сельским хозяйством в 1925 г. на Дальнем Востоке СССР, пахотных орудий не имели 11 280, т. е. 73,9 % от общего числа [16, с. 5]. Для исправления этой ситуации корейскому населению предоставлялись кредиты для закупки сельскохозяйственного инвентаря и механизмов. Так, в Суйфунском и Посъетском районах в 1925 г. на коллективные хозяйства корейского населения приходилось 70 % реализуемой сельскохозяйственной техники [17, с. 33].

Наряду с сельскохозяйственными объединениями получили развитие коллективные хозяйства корейских рыбаков. Корейское население активно участвовало в рыболовецких артелях по причине высокой доходности. Например, в Посьетском районе стоимость полученной в 1928–1929 г. рыбной продукции составила 3 млн р., тогда как стоимость продукции сельского хозяйства была почти в 3 раза меньше. Общий капитал действовавших здесь 23 рыболовецких артелей, объединивших 509 чел. и более 2 тыс. членов их семей, превышал 120 тыс. р. [18, л. 346].

Широкими представлялись перспективы роста промыслов по добыче не только рыбы, но и краба, трепанга, устриц, морской капусты. В 1926 г. во Владивостокском округе присутствовало 5 рыболовных артелей, а к 1 января 1928 г. их число достигло 57 [19, р. 877]. Самыми известными были рыболовецкие колхозы «Посьет-1», «Достижение» в Посьетском районе, «Сучан» и «Десятое января» в Сучанском районе, «Гигант» в Ольгинском районе. В начале 1930-х г. 2 тыс. корейских хозяйств с численностью 5 тыс. чел. были объединены в рыболовецкие колхозы, среди которых наиболее результативно трудились «Аскольд», «Новая искра», «Сучанский партизан», «Ленинский маяк» [20, л. 348].

Таким образом, можно отметить, что миграция корейцев на российский Дальний Восток носила экономический характер и была вызвана необходимостью получения земель для обработки. Основную массу корейских колонистов составляли крестьяне. В 1919–1925 гг. экономические мотивы переселения корейцев были дополнены политическими, связанными с японской аннексией Кореи. Значительный наплыв мигрантов требовал от властей создания нормативно-правовой базы, регламентирующей натурализацию мигрантов и наделение их землей.

Нерешенность «земельного вопроса» в среде корейских колонистов могла привести к дестабилизации дальневосточного общества, но спектр средств для его решения у местных властей был крайне скуден. Социально-экономический эксперимент по созданию коллективных хозяйств, начатый советской властью в середине 1920-х гг., нашел отклик в среде корейцев. Последние получили легальную возможность обрести землю и расширить сферу занятости представителей корейской диаспоры, а власти – отрапортовать об успехах в процессе коллективизации.

Ссылки и примечания:

1. Ткачева Г.А. Иммигранты на Дальнем Востоке в 20–30-е годы XX века // Вестник ДВО РАН. 1997. № 5. С. 98–112.
2. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дал. Востока). Ф. Р-2413. Оп. 2. Д. 88. Л. 20–21.
3. Собрание кодексов и уставов РСФСР с дополнениями и постановлениями Дальревкома. Чита, 1923.
4. ГАПК (Гос. арх. Примор. края). Ф. 25. Оп. 5. Д. 10. Л. 58.
5. РГАСПИ (Рос. гос. арх. соц.-полит. истории). Ф. Р-17. Оп. 68. Д. 191. Л. 171.
6. Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. Южно-Сахалинск, 1993. 368 с.
7. ГАХК (Гос. арх. Хабаров. края). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 189. Л. 21.
8. Лыкова Е.А. «Корейский вопрос» в аграрной политике Советского государства на Дальнем Востоке в 1920–1930-е годы // Известия Восточного института. 2016. № 1 (29). С. 26–32.
9. Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1925. № 105. 10 мая.
10. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 133. Л. 110.
11. Районы Дальневосточного края (без Камчатки и Сахалина). Хабаровск, 1931. 320 с.
12. Таблица 1 составлена по: ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 133. Л. 110.
13. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 189. Л. 21.
14. Там же. Л. 344.
15. Там же. Л. 344 об.
16. Васильченко О.А. Корейцы на Советском Дальнем Востоке (1923–1937 гг.) // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2010. № 1-2 (1). С. 4–7.
17. Васильченко О.А. Семьи корейцев на Советском Дальнем Востоке (1923–1937 гг.): социально-исторический аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 2 (16) : в 2 ч. Ч. II. С. 32–35.
18. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 189. Л. 346.
19. Hyun Kyoo Whan. A History of Korean Wanderers and Emigrants. Seoul, 1967. Vol. 1. P. 877.
20. ГАХК. Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 159. Л. 348.

References:

- Bulletin of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee* 1925, no. 105, May 10, (in Russian).
- Collection of codes and statutes of the RSFSR with additions and resolutions of the Far East Revolutionary Committee* 1923, Chita, (in Russian).
- Districts of the Far Eastern Territory (without Kamchatka and Sakhalin)* 1931, Khabarovsk, 320 p., (in Russian).
- Hyun Kyoo Whan, 1967, *A History of Korean Wanderers and Emigrants*, Seoul, vol. 1, p. 877.
- Kuzin, AT 1993, *Far Eastern Koreans: life and tragedy of fate*, Yuzhno-Sakhalinsk, 368 p., (in Russian).
- Lykova, EA 2016, "The Korean issue" in the agrarian policy of the Soviet state in the Far East in the 1920s-1930s', *Izvestiya Vostochnogo instituta*, no. 1 (29), pp. 26-32, (in Russian).
- Tkacheva, GA 1997, 'Immigrants in the Far East in the 1920s-1930s', *Vestnik DVO RAN*, no. 5, pp. 98-112, (in Russian).
- Vasilchenko, OA 2010, 'Koreans in the Soviet Far East (1923-1937)', *Scholarly Notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University*, no. 1-2 (1), pp. 4-7, [https://doi.org/10.17084/2010.i-2\(1\).1](https://doi.org/10.17084/2010.i-2(1).1).
- Vasilchenko, OA 2012, 'Families of Koreans in the Soviet Far East (1923-1937): social and historical aspect', *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, no. 2 (16): in 2 parts, part II, pp. 32-35, (in Russian).